

Партии в современной политической ситуации

Мне хотелось бы остановиться на некоторых проблемах, связанных с итогами парламентских выборов 12 декабря. В предыдущем выступлении уже отмечалось, что выборы зафиксировали сдвиг вправо в настроениях значительной части российского электората. Имеется в виду "феномен" В.Жириновского. Но ведь объективные данные исследований фиксировали этот сдвиг на протяжении всего 1993 г. Идея авторитарной власти, способной установить стабильность и порядок в стране, активно эксплуатировалась еще задолго до вступления в предвыборную борьбу В.Жириновского. Именно ее эффективно использовал президент Б.Ельцин на апрельском референдуме. Однако многие аналитики тогда ошибочно интерпретировали причины успехов российского президента как проявление широкой поддержки большинством населения курса либеральных хозяйственных реформ. Дальнейшее ухудшение социально-экономической ситуации в стране после референдума, невыполнение большинства данных весной широкообещательных обещаний породили глубокие разочарования политической реформаторов у миллионов россиян и при нарастании пра-воавторитарных тенденций в массовом сознании создали благоприятные условия для перехвата идеи "сильной руки" другими, более удачливыми политиками.

То, что политический маятник так резко качнулся вправо, а не остановился в центре политического спектра, в равной мере обусловлено как действиями властей (которые, вместо того чтобы пестовать демократическую оппозицию самим себе, тут же окрашивали любое проявление инакомыслия или инакодействия в "красно-коричневые" тона), так и действиями самих центристских партий, которые постоянно играли с властями в поддавки. Большинство из них, вместо того, скажем, чтобы открыто идентифицировать себя с социал-демократическими ценностями, все время пытались мимикрировать под либерализм. А в результате избиратели их просто проигнорировали.

Серьезным просчетом организаторов избирательной кампании было также принятие на вооружение смешанной пропорционально-мажоритарной системы выборов. Главный замысел состоял в том, чтобы, благодаря новой выборной системе: а) сформировать компактный, структурированный в политическом отношении парламент; б) посредством партийных списков облегчить прохождение в парламент московской политической элите (в списках большинства партий в первых рядах — сплошь москвичи) и, одновременно минимизировать, хотя бы в нижней палате парламента, представительство региональных элит.

Это был рискованный эксперимент, так как хорошо известно, что пропорциональный механизм выборов заведомо заряжен на фрагментацию партийно-политической системы и соответственно законодательного органа, и используется поэтому лишь в некоторых странах с давно сложившейся и устойчивой партийной системой. Кроме того, пропорциональная система выборов ориентирована не столько на борьбу конкретных кандидатов, сколько на соперничество партийно-политических платформ.

У нас же получилось все наоборот. Большинство избирательных объединений были сформированы буквально накануне выборов. Никаких внятных программ они сформулировать не смогли и тем более довести их до избирателей. У большинства партий не было продуманной электоральной стратегии (за исключением ЛДПР), их организационный и мобилизационный потенциал оказался весьма ограниченным, несмотря на мощную финансовую поддержку некоторых из них. Поэтому выборы были персонифицированы, избиратели ориентированы на личности лидеров партий и движений. Отсюда непредсказуемость результатов голосования и тот факт, что Государственная дума окажется, скорее всего, еще менее структурированной, чем ее предшественник — Верховный Совет.

Видимо, для России более органичными были бы либо "французская" система выборов, т.е. мажоритарная система с голосованием в два тура, либо "немецкая" пропорциональная система, но проводимая по принципу "один человек — два голоса". То есть каждый избиратель голосует одновременно за конкретного кандидата и за ту партию, которую этот кандидат представляет.

Задача продвижения в парламент московской политической элиты также решена лишь частично. С одной стороны, действительно, за небольшим исключением, в парламент прошел весь "цвет" столичного политического истеблишмента. С этой точки зрения, можно констатировать, что процесс формирования политической элиты в России близок к завершению. Но, с другой стороны, выборы зафиксировали, во-первых, растущее неприязненное отношение к ней российской провинции (об этом свидетельствует успех, скажем, блока "Женщины России", ничем особо себя не проявившего в ходе избирательной кампании, не говоря уже о ЛДПР); во-вторых, симптомы формирования контрэлиты. Гуманитарную интеллигенцию "перестроечного" и "реформаторского" призыва начинают теснить предприниматели и технократы. В партийном списке той же ЛДПР доминируют не только юристы, но и технократы, связанные в прошлом или сейчас с ВПК, а также с армией и госбезопасностью.

Вообще, реальные интересы экономических группировок будут представлены в нынешнем Федеральном собрании гораздо рельефней, чем в Верховном Совете, и потому их лоббирование будет носить более мощный и организованный характер.

В последнее время среди аналитиков широкое распространение получила точка зрения о том, что поскольку принятая Конституция

дает широкие полномочия президенту и, наоборот, урезает права парламента, нет "особых оснований для волнения". В случае чего, мол, президент может действовать и без оглядки на парламент. Думается, что это заблуждение.

При сохранении нынешнего социально-экономического курса, по прогнозам ряда ведущих экспертов, уже весной 1994 г. политическая ситуация в стране может резко обостриться из-за массового закрытия промышленных предприятий, продовольственного кризиса (30% урожая 1993 г. погибло, а по ряду районов — до 45%). В этих условиях вполне вероятно возникновение вне парламента, из среды профсоюзного и забастовочного движения, политических требований проведения досрочных президентских выборов, как и было обещано ранее, летом 1994 г. Дума, по-видимому, в данной обстановке превратится лишь в транслятора этих требований, которые могут поддержать не только националисты, коммунисты, аграрии, но и часть центристов, независимых, региональных лидеров.

Что касается Жириновского и его фракции, то она займет в парламенте чрезвычайно выгодное для себя место — безответственной оппозиции. Любые попытки административного нажима на ЛДПР, по сложившейся российской традиции, лишь увеличат ее популярность.

Нельзя успокаивать себя утверждением, что у ЛДПР нет сильных организационных структур и сколько-нибудь авторитетных лидеров, помимо Жириновского (и в этом заключается кардинальное отличие современной России от Веймарской Германии, где нацистская партия опиралась на массовое, хорошо организованное движение). Дело в том, что в условиях широкого развития средств массовых коммуникаций наличие разветвленных оргструктур не является необходимым инструментом прихода к власти. Гораздо важнее в этом плане поддержка претендующего на власть лидера элитами — хозяйственной, финансовой, военной, бюрократической при морально-политических симпатиях значительной части населения. До сих пор президент Ельцин был единственным общенациональным лидером, пользующимся поддержкой элит, которая позволила ему выстоять и победить в схватках с бывшим Верховным Советом. Похоже, сейчас ситуация стала меняться. Поэтому можно предположить, что в борьбе с Жириновским будет задействован широкий набор методов политической нейтрализации — от попыток его "приручения" (что не представляется таким уж невозможным) до поисков компромата, главным образом в плане выявления источников финансирования ЛДПР. Одновременно с этим весьма вероятен перехват основных лозунгов В.Жириновского. Так, в одном из первых интервью после выборов пресс-секретарь президента В.Костиков заявил, что в преданборных программах и обещаниях этой партии есть ряд моментов, которые "вполне соответствуют социальному ракурсу президентской политики — социальной направленности государства, патриотизму, возвеличиванию России".

В этом плане заявление президента Ельцина о его намерении создать собственную партию может быть интерпретировано таким образом, что речь идет о создании не столько либерально-демократической партии (такая уже есть — "Выбор России"), сколько партии национально-либеральной ориентации.

В целом итоги выборов 12 декабря носят противоречивый характер. С одной стороны, с избранием нового парламента в определенной мере воспроизведена дооктябрьская ситуация. С другой, — принятие новой Конституции означает, что возможный конфликт законодательной и исполнительной власти уже не будет носить конституционно-правового характера. И потому есть основание полагать, что политическая борьба будет вестись в более цивилизованных, чем раньше, формах.

Это тем более важно, что уже весной 1994 г. во многих регионах страны предстоят выборы в местные органы представительной и исполнительной власти.